

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.28>

Сулимов Станислав Игоревич, Плотникова Александра Владимировна,
Черных Владимир Дмитриевич

АНТИСИСТЕМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ БОГОМИЛЬСКОЙ ЕРЕСИ)

Данная работа посвящена социально-философскому анализу организации и функционирования антисистем. Особое внимание уделяется способам взаимодействия антисистемы с окружающей её социальной реальностью в зависимости от событий, предшествующих их контакту, и текущего состояния общества. В качестве исторического примера антисистемной организации авторы приводят богомилство, зародившееся в Болгарии в X в. и распространившееся по Европе под именем альбигийской ереси. В заключительной части статьи проводится краткий сравнительный анализ деятельности богомилства с аналогичными действиями современных радикальных исламистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 131-135. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Володина Ю. А. Особенности деинституционализации детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3 (56). С. 16-22.
4. Гандикап [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belogurova.ru/glossary?letter=3&word=2826> (дата обращения: 14.01.2019).
5. Дробот О. С. Концепция независимой жизни как форма интеграции инвалидов в современном мире // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2011. Т. 2. № 1. С. 22-27.
6. Европейская программа деинституционализации: что это и как она проводится в Даугавпилсе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gorod.lv/novosti/291564-daesh-deinstitucionalizatsiu> (дата обращения: 13.01.2019).
7. Меньчиков Г. П. Гуманизм: классический, неклассический и неоклассический [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-klassicheskiy-neklassicheskiy-i-neoklassicheskiy> (дата обращения: 03.02.2019).
8. Мухаметзянова А. Р. Процессы институционализации и деинституционализации системы реабилитации инвалидов в регионе (на примере Республики Мордовия) // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (12 октября 2016 г.). Саранск, 2016. С. 142-144.
9. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Пособие по использованию европейских фондов для перехода от системы институционального ухода к системе ухода на уровне громады. Донецк: Финфорт Принт, 2013. 60 с.
11. Шмуkler А. Б., Гурович И. Я., Костюк Г. П. Стационарная психиатрическая помощь: деинституционализация и ее последствия в странах Северной Америки и Европы // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. Т. 26. № 4. С. 97-109.
12. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41-61.
13. Filipová M. Podporované zamestnávanie v procese prechodu z inštitucionálnej na komunitnú starostlivosť [Электронный ресурс] / Implementačná agentúra Ministerstva práce, sociálnych vecí a rodiny Slovenskej republiky. URL: https://www.ia.gov.sk/data/files/np_di/publikacie/Podporovane_zamestnavanie_v_procese_prechodu_z_institucionalnej_na_komunitnu_starostlivost.pdf (дата обращения: 28.12.2018).

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF DEINSTITUTIONALIZATION

Krysova Elena Vital'evna, Ph. D. in Philosophy
Mari State University, Yoshkar-Ola
lenakr86@mail.ru

The article focuses on deinstitutionalization in the sphere of social services for population. The purpose of the study is to reveal socio-philosophical foundations of deinstitutionalization as a complex social phenomenon. Novelty of the research lies in the fact that this phenomenon is analysed in the unity of its formation and the current state, the unity of personal and social significance. At the same time, the author's attention is paid to the notional execution of deinstitutionalization, its characteristics and forms of manifestation in the modern society. The paper refers to socio-philosophical understanding of the deinstitutionalization topic.

Key words and phrases: deinstitutionalization; humanism; protection of human rights; social services; philosophy of independent living.

УДК 1; 316.37

Дата поступления рукописи: 10.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.28>

Данная работа посвящена социально-философскому анализу организации и функционирования антисистем. Особое внимание уделяется способам взаимодействия антисистемы с окружающей её социальной реальностью в зависимости от событий, предшествующих их контакту, и текущего состояния общества. В качестве исторического примера антисистемной организации авторы приводят богомилство, зародившееся в Болгарии в X в. и распространившееся по Европе под именем альбигойской ереси. В заключительной части статьи проводится краткий сравнительный анализ деятельности богомилства с аналогичными действиями современных радикальных исламистов.

Ключевые слова и фразы: антисистема; глобализация; синкретизм; богомилство; радикальный исламизм.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет
sta-sulimov@ya.ru

Плотникова Александра Владимировна, к.ю.н., доцент
Юго-Западный государственный университет, г. Курск
aleksanklyu@yandex.ru

Черных Владимир Дмитриевич, к.и.н.
Воронежский государственный университет инженерных технологий
cher_vladd@rambler.ru

АНТИСИСТЕМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ БОГОМИЛЬСКОЙ ЕРЕСИ)

В современном мире стремительно реализуется принцип глобализации. Можно сказать, что это не близкое будущее, а повседневная реальность, контуры которой с каждым годом проступают всё более отчетливо.

Поборники «мира без границ» могут торжествовать победу: в наши дни военный конфликт на Украине становится предметом обсуждения в Брюсселе и Вашингтоне, экономические санкции, налагаемые американским правительством, отражаются на жизни россиян, а религиозно-философские идеи, созданные в Леванте и Пакистане, приводят к гражданским столкновениям и терактам в самом сердце Западной Европы. Мир стал фактически прозрачным, и все составляющие его общества, государства и культуры пребывают в постоянном диалоге друг с другом. Одни голоса звучат тише, другие громче, темы, волнующие участников, нередко не совпадают, но диалог этот ведётся во всемирном масштабе и ни на миг не прерывается. Между тем межкультурное общение является неотъемлемой частью социально-политической жизни, и изучение межкультурных контактов минувших веков может помочь нам представить картину нашего собственного будущего. Так, важнейшим рычагом вхождения России в мировое сообщество являются совершенствование ее законодательства, адаптация юридической инфраструктуры к основополагающим европейским и международными нормам и оправдавшим себя на практике правилам [10, с. 269].

В настоящей работе мы рассмотрим такой сопутствующий межкультурному диалогу негативный социально-духовный феномен, как антисистема. Данная тематика на сегодняшний день очень актуальна именно потому, что в глобальном мире ни одно общество или культура не могут существовать в изоляции. Если антисистема может передаваться от одного общества другому, то весь современный мир может превратиться в испытательный полигон для антисистемных движений. Нас будут интересовать механизмы возникновения антисистемы и её трансляции от общества-донора к обществу-реципиенту, потому что таким образом мы сможем выявить особенности взаимодействия антисистемы как с породившим её обществом, так и с обществами, напрямую не участвующими в генезисе антисистемы. Рассмотрение антисистемы именно в качестве социального движения особенно необходимо ещё и потому, что большинство исследователей анализируют именно антисистемные доктрины, а организационную структуру и особенности функционирования антисистемных общностей оставляют без внимания. В качестве примера антисистемного движения обратимся к богомильской ереси, возникшей в Болгарии в X в. и превратившейся в настоящий кошмар Южной Франции на рубеже XII-XIII вв.

Прежде всего уточним, что же такое антисистема. Данный термин предложил отечественный исследователь Л. Н. Гумилёв, понимая под ним возникшее в зоне контакта нескольких развитых культур сообщество людей, объединенных отрицающим реальность негативным мировоззрением [3, с. 518]. Антисистема представляет собой одновременно и организацию, борющуюся со сложившейся социальной эмпирией, и религиозно-философскую или политическую доктрину, имеющую синкретическое происхождение и поэтому отвергающую любой существующий социально-духовный порядок. К сожалению, отечественный классик вёл исследования в контексте этнологии и экологии, мало интересуясь социально-философской и культурологической проблематикой. В данных областях знания его теория была применена такими российскими и зарубежными авторами, как В. Л. Махнач, П. М. Корявцев, И. В. Черниговских, Д. М. Володихин и И. Валлерстайн. Не вдаваясь в полемику между различными точками зрения, можно выделить следующие особенности антисистемных социально-духовных образований: синкретическое происхождение, отрицающая существующий социальный порядок утопическая или эсхатологическая доктрина, а также эзотерическое устройство организации, основанное на лжи и умалчивании [7, с. 57]. И. Валлерстайн тоже выделяет такие родовые черты антисистем, как неспособность к развитию и стремление действовать в первую очередь против общества, в котором антисистема возникла [1, с. 200-201]. Всевозможные мистики, проповедующие «тайное знание» и призывающие отвергнуть сложившийся образ жизни в пользу их «сокровенных доктрин»; сектанты, намеревающиеся силой просветить «непосвященных»; революционеры, мечтающие разрушить «мир насилия», – все эти типажи очень часто оказываются адептами антисистемных организаций, хотя и не всегда обязаны своим существованием той или иной антисистемной организации. Наиболее известными антисистемными движениями прошлого были манихейство, богомилство, конфедерация сект «Белый Лотос» в средневековом Китае, культ вуду в современной республике Гаити и т.д. В данной работе для нас важен вопрос: как получается, что антисистема, возникшая в конкретной исторической и социальной обстановке, переходит на новый ареал и приобретает популярность в новых условиях? Что является переходным мостом антисистемы от одного уже зараженного общества к другому, ещё не затронутому ею?

Как говорилось выше, в качестве примера антисистемы, получившей быстрое и глубокое распространение на всём доступном её адептам географическом ареале, мы рассмотрим богомилство, средневековую ересь, возникшую в Болгарии и быстро охватившую Северную Италию, Южную Францию и имевшую филиалы даже в Англии. Данное еретическое движение обязано своим происхождением следующим событиям. В середине IX в. болгары потерпели военное поражение от Византийской империи, попали в политическую зависимость от неё и в 865 г. приняли православие. Христианское влияние было сильно в долине Дуная и прежде, и поэтому крещение прошло практически безболезненно. Интеграция славян в имперское общество также протекала плавно и мягко, в частности император Михаил III сделал болгарского архиепископа вторым человеком после константинопольского патриарха, содействовал распространению недавно созданной греческими миссионерами славянской письменности и основанного на ней образования. Конечно же, не все болгары были рады принятию православия. Так, славянское язычество не имело организованного клира, и теперь новокрещенцы не понимали, какое место в социальной иерархии занимает христианский священник. Поэтому нередко батюшек воспринимали как разновидность чиновников, которых необходимо содержать, но непонятно, какие социальные функции такой «чиновник» выполняет [11, с. 293]. Однако только лишь такого сдержанного недовольства было бы мало для каких-либо серьёзных последствий: к христианскому клиру любые недавние крещеные народы привыкают не сразу. Но, к сожалению, по недосмотру имперских властей в дело вступил ещё один фактор, которого при других обстоятельствах могло бы и не быть.

Император Иоанн Цимисхий использовал долину Дуная как резервуар для еретиков, депортируемых из других провинций империи. Так, здесь давно жили высланные из Греции манихеи, а в 872 г., подавив восстание сектантов-павликиан в Малой Азии, император насильственно переселил на Дунай несколько тысяч пленных еретиков. И манихейство, и павликианство объединяло представление о двух Богах-творцах, один из которых, благой Бог, создал истинную, небесную жизнь, а его антипод сотворил земной мир, жизнь в котором представляет собой беспросветное мучение. Оба еретических течения отвергали земную жизнь, считая её неисправимой тщетой, и настаивали на невозможности подлинной жизни в материальном теле. Любые профессиональные занятия и общественные функции они объявляли пустой тратой времени и призывали своих адептов сосредоточить внимание исключительно на будущей небесной жизни, стяжать которую можно было, лишь минимизировав своё участие в жизни материальной. В этих отрицающих христианство и государственный механизм переселенцах последние болгарские язычники нашли влиятельных союзников. Вот как характеризует сходство, приведшее к такому альянсу, отечественный исследователь Н. А. Осокин: «Дуализм был сроден славянской натуре; ещё язычником славянин знал о нём, о чём свидетельствует славянская мифология, которая не объединяла понятие о божестве, а, напротив, раздробляла его. Славянское человечество издревле привыкло выражать своё счастье белым цветом или светом, а несчастье чёрным или темнотой... От этой мысли произошло разделение и самих олицетворений на “белых богов”, которые уже никогда не делали зла, и “чёрных”, которые уже никогда не приносили добра. Между собой они всегда враждуют: добрые и злые духи соблюдают и защищают свои интересы» [9, с. 302]. Поэтому между переселенцами-дуалистами и законспирированными язычниками возникло понимание, из которого очень скоро выросла сектантская организация, проповедующая по форме христианскую, а по сути – гностическую доктрину, соединившую в себе разнородные компоненты левантийского манихейства, славянского язычества и ранних христианских ересей.

Основные догматы богомилства выглядят следующим образом. У благого Бога, творца жизни, был сын Сатана, который, чтобы досадить отцу, создал земной мир и человека, но не мог его оживить. Поэтому он похитил у отца частичку божественного духа, которая стала человеческой душой. В результате первые люди ожили, стали плодиться и размножаться, но земной мир принадлежит Сатане, и сама суть жизни в нём – страдание. Богомилы собирали многочисленные подтверждения тягот и лишений земной жизни и учили, что единственный способ вырваться из этой цепи мучений – перестать жить, то есть вернуть человеческую душу на место её происхождения – к Богу. Для этого они предлагали не вступать в брак и не рожать детей, чтобы не умножать количество осколков божественного духа, содержащихся в людях. Любую социальную деятельность они отвергали, утверждая, что любая работа для поддержания порядка в мире и обществе только мешает людям переходить из материальной жизни в божественную. Любой правитель, светский или духовный, для богомилов был лишь самопровозглашенным кумиром, от которого надо держаться подальше. Сектанты призывали слуг не служить господам, а крестьян – не работать. Впрочем, в самих сектантских общинах, возглавляемых проповедниками под названием «деды», поддерживалась железная дисциплина, и вся община трудилась только ради безбедной жизни «деда». Основатель ереси, православный священник-отступник Богомил, по имени которого и названо движение, настаивал на учреждении в сектантских общинах строгой иерархии, разделив свою пастырь на три ступени с различными правами: «совершенные» (верхушка движения, пастыри и учителя), «простые верующие» (основная масса адептов) и «слушатели» (сочувствующие). Многие запреты, налагаемые богомилством на своих адептов, не распространялись на «простых верующих», зато им вменялось в обязанность содержать «совершенных» и выполнять все их приказы. А приказы эти далеко не всегда носили мирный или хотя бы религиозный характер. Болгарский историк Д. Косев отмечает, что православная церковь была мишенью постоянных нападков со стороны сектантов. Если к светской власти и созидательному труду они относились просто безразлично, то православное духовенство воспринималось богомилами как слуги Сатаны [6, с. 52].

К счастью, социальным субстратом антисистемы на Балканах стали лишь немногочисленные уцелевшие язычники и такие же немногочисленные крестьяне, пострадавшие от земельных реформ ориентирующихся на Византию царей. Причём последняя категория адептов интересовалась не столько догматикой учения, сколько видела в нём апологию вооруженной борьбы с правительством и церковью как его союзницей. Все остальные слои болгарского и византийского общества были взаимосвязаны и встроены в социальную систему православной империи. Однако в 1054 г. богомилы всё же перешли к вооруженной борьбе, воспользовавшись войной, которую император Алексей I Комнин вёл против западных правителей на побережье Адриатики. Один из богомильских проповедников «дед» Василий и офицер-дезертир Травл во главе отряда сектантов захватили фракийский город Филиппополь и подвергли православное население грабежам, а храмы – осквернению. Но повстанцы были немногочисленны, и поэтому, когда город вскоре окружили имперские войска, сдались без сопротивления. Император Алексей I амнистировал всех участников восстания при условии их церковного покаяния, а для некрещеных – православного крещения. Единственным казнённым богомилом стал главарь восстания «дед» Василий, да и то лишь потому, что во всеуслышание отказался признать свою вину. Зато после этих событий император объявил богомильское движение вне закона и принял против сектантских проповедников и общин масштабные полицейские меры.

Напуганные преследованиями, богомилы во главе с «патриархом» движения Никитой Константинопольским почти поголовно эмигрировали из Византийской империи в страны Западной Европы и здесь нашли для себя крайне благоприятную обстановку. Если на православном Востоке сектантам противостоял прочный симбиоз церкви и имперского государства, то в католической Европе незадолго до их переезда произошло событие, повергшее и прежде разрозненный мир западных королевств в настоящий духовный хаос. На Латеранском соборе 1059 г. папа римский Николай II, архидиакон Гильдебранд (будущий папа Григорий VII) и кардинал Пётр Дамиани добились запрета на продажу церковных должностей и на браки для духовенства.

В католической церкви и первая, и вторая меры в те дни были необходимы, потому что многие женатые священники превратили свои приходы в подобие семейных подрядов, а некоторые епископы даже спекулировали назначениями. Однако решение Собора не просто запретило такие практики впредь, но и в одночасье лишило должностей и прав на церковное служение всех женатых священников. Европа оказалась наводнена безработными клириками, превратившимися в бродячих проповедников неизвестно какой конфессии. В своих попытках составить оппозицию официальной католической церкви изгнанные священники объединялись с сектантами всех типов и течений и даже с колдунами. Некоторые феодальные сеньоры, лишённые Собором права назначать епископов (и претендовать на церковные доходы), чувствовали себя несправедливо обиженными и поэтому смотрели на деятельность всей этой маргинальной публики сквозь пальцы. В столь непредсказуемой и предельно разбалансированной обстановке эмигранты-богомилы почувствовали себя как дома и вскоре создали себе репутацию борцов против диктата католической церкви и королей как её союзников.

При том, что вся Западная Европа оказалась охвачена сектантскими движениями разных масштабов, нередко возглавляемыми бывшими клириками, богомилы смогли идейно возглавить этот протест. В 1167 г. в южно-французском городе Сент-Феликс-де-Караман прошёл еретический Собор, на котором Никита Константинопольский провозгласил создание единой богомильской церкви (скорее анти-церкви) и рукоположил первых её «епископов». Представители итальянского антицерковного движения патаренов и недавно разгромленной властями «Орлеанской ереси», известной проповедями инцеста и детоубийства, влились в эту организацию на правах «простых верующих». Светским покровителем богомилов стал граф Тулузы Раймонд VI, позволивший сектантам проповедовать в подвластном ему Лангедоке и даже отдавший под покровительство еретического «епископа» феодальное владение Альбижуа, после чего богомилов во Франции стали называть альбигойцами. Разумеется, графом двигали не идейные, а политические соображения: он давно мечтал отделиться от французской короны и видел в еретиках возможность противостоять католицизму, духовной основе королевской власти [5, с. 207].

Антисистема быстро укоренилась в Южной Франции, создав заодно филиалы в Северной Италии и даже в Англии. Светские сеньоры Лангедока видели в ереси духовную санкцию для своих сепаратистских устремлений, местное крестьянство было радо не платить десятину католической церкви, а сама эта церковь оказалась буквально изгнана из земель рыцарей-сектантов. Сектантская же верхушка обрела в графе Тулузском и его вассалах надёжных защитников и источник постоянного финансового дохода, который позволял «совершенным» не работать и вообще не заниматься никакой материальной деятельностью. Французский король и папа римский пытались вступить с еретиками в диалог, пытались и расследовать их деятельность, но все эти попытки познакомиться закончились плачевно: возглавлявший папскую миссию в Лангедоке легат Пьер де Кастельно был убит адептами секты. Этот неслыханный в средневековой Европе поступок спровоцировал Альбигойскую войну, в которой графу Раймонду и его рыцарям, а также мирному населению пришлось своей кровью отвечать за вероломную выходку богомилов.

О событиях Альбигойской войны каждый желающий может узнать из исторических сочинений русских и зарубежных авторов. Для нас же важно, что в Лангедоке в антисистемном движении сплелись не только религиозно-философские, но и политические мотивы. Так, в 1210-е гг. граф Тулузский позвал на помощь себе и альбигойцам арагонского короля Пейре II, который, будучи католиком, всё-таки выступил против французских крестоносцев и защищал сектантов вооруженной рукой. Разумеется, пиренейским монархом руководил не пиетет перед богомильством, а банальное желание превратить Тулузу в своего вассала. Местные лангедокские рыцари тоже сражались против католического войска, хотя сами католики не понимали, чем эти аристократы отличаются от любых других, не имеющих отношения к ереси. К примеру, вот как описывает одного из военных лидеров альбигойцев, виконта Безье, участник тех событий трубадур Гильём Тудельский:

«Был юн виконт, у всех любовь он вызывал,
С ним был накоротке любой вассал.
Он страха подданным нимало не внушал,
Как с равным, каждый с ним смеялся и играл.
Но на его земле всяк рыцарь привечал
Еретиков, – и им приют предоставлял» [2, с. 141].

В ходе этой долгой, длившейся почти сорок лет войны было уничтожено или изгнано практически всё феодальное дворянство Лангедока, а простонародье постигли самые ужасные беды, связанные со средневековым способом ведения военных действий. Со своей стороны еретики быстро придумали религиозную санкцию для убийств, объявив, что некоторые люди созданы только лишь из материи и не имеют души, которой можно было бы повредить. Поэтому убить их – не больший грех, чем разбить горшок [8, с. 288]. Жертвами сектантских убийц стали многие доминиканские монахи, пришедшие в Южную Францию для возвращения этого края в лоно церкви. Сопrotивление альбигойцев удалось сломить лишь после того, как в 1244 г. крестоносцы взяли их крепости Монсегюр и Керибюс и сожгли на кострах около двухсот «совершенных», не пожелавших перейти в католицизм.

Так действовала антисистема в X-XIII вв., распространившись от Болгарии до Южной Франции, синтезируя в своей доктрине различные компоненты христианства, гностицизма и язычества и втягивая в свою организацию представителей самых разных социальных групп, как только те выпадали из четкой иерархии средневекового общества. Если в Болгарии и Фракии в ряды богомилов могли войти лишь некоторые лишившиеся земли крестьяне и уцелевшие в процессе христианизации славян языческие деятели, то в Лангедоке под знамёнами секты оказались и лишившиеся сана клирики, и даже рыцари-сепаратисты. Каков же

итог? Война со всем миром неизвестно ради чего повлекла гибель множества людей, в том числе и относившихся к антисистемной секте вполне лояльно.

Но анализ случившихся в Средневековье событий был необходим нам только для того, чтобы на его основе оценить антисистемный потенциал современного нам глобального мира. Существует ли в наши дни какое-нибудь религиозно-философское течение или политическое движение, по деструктивному потенциалу и эзотерической структуре равное богомилству? В качестве примера такого движения можно привести радикальный исламизм, имеющий, так же как и некогда балканская антисистема, синкретическое происхождение, аналогичным образом отрицающий социальную реальность (только в пользу не чистого духа, а безвозвратно ушедшего прошлого), но, в отличие от богомилства, открыто призывающий к вооруженной борьбе с наличным миром. Подобно средневековой ереси, исламизм неравномерно распространяется по миру, но теперь возможностей у него гораздо больше, чем было у еретиков в X-XI вв. И точно так же он играет роль катализатора в регионах, по какой-либо причине лишившихся социального баланса: в Чечне, Косово и Сирии исламисты выступают против социальной эмпирии с оружием в руках, в более спокойных регионах проповедуют исламизацию государства (Пакистан) или сегрегацию по религиозному принципу (Франция) [4, с. 37-38]. Если богомилы низших степеней посвящения участвовали в восстаниях и совершали убийства по приказу своих наставников, то исламистские неопиты совершают теракты, взрывая себя вместе с жертвами. История повторяется, только в больших масштабах, и антисистема теперь угрожает не только Европе, но и всему миру.

В данной работе мы рассмотрели социальное функционирование антисистемы на примере средневекового богомилства. Какие основные черты антисистемной социальной деятельности мы могли бы выделить? Во-первых, это отрицание наличной социальной реальности и озвучивание утопических, неосуществимых религиозно-философских доктрин, что позволяет антисистемным лидерам собирать под свои знамена всех, кто чем-либо не доволен в текущей социально-политической ситуации. Во-вторых, это роль катализатора, которую антисистема раз за разом играет, имея дело с общественными потрясениями, даже если в этих потрясениях адепты антисистемы изначально не замешаны. А дальше всегда начинается противостояние с наличным обществом, исходя из его ответных реакций: если общество отвечает антисистеме преследованиями и твердыми запретами её деятельности, то антисистемные проповедники не идут дальше отрицания общественного служения (в первую очередь производительного труда). Зато если общество ослаблено кризисом или гражданским противостоянием, как это было в средневековой Европе во время Латеранского собора, то антисистема без колебаний посягает на государственную власть и открыто применяет насилие. Данные особенности антисистемной социальной деятельности остаются неизменными как в Средние века, так и в наши дни.

Список источников

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
2. Гильем Тудельский. Песнь об Альбигойском крестовом походе. М.: Квадрига, 2010. 320 с.
3. Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: АСТ, 2004. 575 с.
4. Долгов Б. В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980-2016 годы). М.: ЛЕНАНД, 2017. 160 с.
5. Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. М.: Междунар. отношения, 2000. 416 с.
6. Косев Д., Христов Х., Ангелов Д. Краткая история Болгарии. София: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. 478 с.
7. Махнач В. Л., Елисеев С. О. Политика. Основные понятия. М.: Синергия, 2005. 319 с.
8. Ольденбург З. Костёр Монсегиора. История альбигойских крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001. 416 с.
9. Осокин Н. А. Еретические верования // Веселовский А. Н., Осокин Н. А. История ересей. М.: АСТ, 2004. С. 267-417.
10. Плотникова А. В., Усова Т. С. Основные проблемы и совершенствование законодательной деятельности в Российской Федерации // Ценности и нормы правовой культуры: сб. науч. ст. VI Международного круглого стола, посвященного дню рождения И. А. Ильина, русского философа и юриста / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. С. 265-270.
11. Сулимов С. И. Богомилство: антисистема на Балканах // Ноосфера і цивілізація: всеукраїнський філософський журнал. 2013. Вып. 1 (14). С. 292-298.

ANTI-SYSTEM AS A SOCIAL PHENOMENON (BY THE EXAMPLE OF BOGOMILISM)

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University
sta-sulimov@ya.ru

Plotnikova Aleksandra Vladimirovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Southwest State University, Kursk
aleksanklyu@yandex.ru

Chernykh Vladimir Dmitrievich, Ph. D. in History
Voronezh State University of Engineering Technologies
cher_vladd@rambler.ru

The article provides a socio-philosophical analysis of anti-systems organization and functioning. Special attention is paid to the interaction of an anti-system with the surrounding social reality depending on the events preceding their contact and the current state of the society. As a historical example of anti-systemic organization the authors examine Bogomilism, which originated in Bulgaria in the X century and spread all over Europe under the name of Albigenian heresy. Finally the paper provides a brief comparative analysis of the Bogomils' activity and the modern radical Islamists' activity.

Key words and phrases: anti-system; globalization; syncretism; Bogomilism; radical Islamism.